

HAL
open science

Политика Франции в Средней Европе и СССР, 1931–1934

гг.

Aliaksandr Piahanau

► To cite this version:

Aliaksandr Piahanau. Политика Франции в Средней Европе и СССР, 1931–1934 гг.. А. Рупасов; А. Исаев. СЕМИНАР. Вып. 2. Работы победителей 7 конкурса “Актуальная наука” (“Советский Союз, Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы в мировой политике XX века”) памяти О. Н. Кена. Польский институт, ИИ РАН в Спб, Университет в Белостоке., 2015, 978-5-91258-339-1. <hal-01266698>

HAL Id: hal-01266698

<https://hal.science/hal-01266698>

Submitted on 3 Feb 2016

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Политика Франции в Средней Европе и СССР, 1931–1934 гг.*

Александр Пеганов

Александр Пеганов родился в Новополоцке (Витебская обл., Беларусь). Окончил исторический факультет (кафедра истории южных и западных славян) Белорусского государственного университета (Минск); с 2010 г. аспирант того же университета. Тема диссертации: «Чехословацкое направление внешней политики Венгрии в 1918–1939 гг.». Стажировался в Карловом университете в Праге, Институте Балаши в Будапеште, Словацкой академии наук в Братиславе и Университете Дени Дидро в Париже. Научные интересы: внешняя политика Венгрии, Чехословакии и Словакии в 1918–1945 гг., а также дипломатия великих держав в Средней Европе в первой половине XX в. Научный руководитель — к. и. н., доц. А. П. Сальков. Эл. почта: piahanau@gmail.com. Эл. страница: <https://bsu.academia.edu/AliaksandrPiahanau>.

Средняя Европа в политике Парижа и Москвы. Общие данные. Среднюю Европу первой половины XX в. в самом широком смысле этого понятия — как сумму территорий между Францией и Россией — можно назвать ключевым театром стратегического противостояния в Старом Свете. Первая мировая война, закончившаяся коллапсом Германской, Австро-Венгерской и Российской империй, создала предпосылки для распространения влияния Франции в этом регионе. Однако Париж, выступая защитником Версальской системы, не смог надолго закрепить за собой направляющую роль в Средней Европе. Его региональное влияние, пережив свой пик в 1920-е гг., в 1938–1940 гг. достигло минимума, уступив тяжеловесной дипломатии Германии и СССР.

Историография темы межвоенного вовлечения Парижа в Среднюю Европу, так же как и темы отношений между Францией и СССР того же периода достаточно обширна. Несмотря на это проблема попыток Парижа содействовать экономико-политической реорганизации Средней Европы (в призме

* Автор выражает благодарность доктору исторических наук А.И. Рупасову, составителю сборника В.Д. Кен, своему давнему другу А.Л. Церковскому и особенно своей маме за прочтение черновой версии статьи и ценные советы по ее улучшению.

франко-советских контактов) была рассмотрена достаточно поверхностно¹. Задача данной статьи — проанализировать политику Третьей республики в Средней Европе в 1931–1934 гг., уделяя особое внимание отношениям Парижа и Москвы, а также реакции Кремля на французские проекты реорганизации Средней Европы.

После распада в 1917 г. франко-российского военного союза Третья французская республика, стремясь упрочить свою «систему безопасности» (направленную, главным образом, против Германии), пошла на заключение военно-политических союзов с «проверсальскими» государствами Средней Европы: Польшей, а также Чехословакией, Румынией и Югославией (объединившимися в блок Малая Антанта). Параллельно МИД Франции (Кэ д'Орсэ) старался минимизировать связи региона с Германией. В 1930-е гг., на фоне самоустранения Лондона от решения проблем континентальной Европы, Париж начал попеременно склоняться к кооперации то с Римом, то с Москвой, надеясь на создание «приемлемого кондоминиума». Поощряемая Францией интеграция советского фактора в систему баланса и сдержек Средней Европы шла постепенно. Пробный камень был запущен в 1931 г., однако по большому счету вплоть до 1934 г. СССР продолжали держать в стороне от важнейших центральноевропейских решений. Свой вынужденный изоляционизм большевики недружелюбно комментировали фразой «без нас — следовательно, против нас»². При этом советское политическое проникновение на Запад шло по нарастающей и после перерыва в 1941–1944 гг. завершилось к концу 1940-х гг. переносом сферы влияния сталинской империи до линии Штеттин – Триест.

¹ Среди исследований, посвященных внешней политике Франции и ее среднеевропейскому вектору, можно выделить фундаментальные работы Ж.-Б. Дюрозеля (*Duroselle Jean-Baptiste. Politique étrangère de la France: La Décadence, 1932–1939.* Paris, 1983) и П. Вандыча (*Wandycz Piotr Stefan. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland.* Princeton, 1988). О взаимоотношениях Парижа и Москвы см. два российско-французских сборника (*L'URSS et l'Europe dans les années 20 / Dir. M. Narinski, É. du Réau, G.-H. Soutou.* Paris, 2000; *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30 / Dir. M. Narinski, É. du Réau, G.-H. Soutou.* Paris, 2005). Из новейших публикаций, доступных на русском языке, см. доклады, прочитанные на конференции «Центральная Европа в советско-французских отношениях» (Париж, 2013) (Российские и славянские исследования: Научный сборник. Вып. 9. Минск, 2014. Эл. версия: http://www.rsijournal.net/wp-content/uploads/2015/02/Ross_i_slav_issledovania_IX_2014.pdf).

² Так в НКВДе комментировали неприглашение СССР к участию в «европейской директории / пакте четырех» в 1933 г. См.: Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. 16: 1 января – 31 декабря 1933 г. М., 1970. С. 226–227.

В советском видении Средней Европы можно выделить три аспекта. Во-первых, с точки зрения кремлевской геополитики Средняя Европа делилась на две неравнозначные зоны — Северную (Балтийскую) и Южную (Балкано-Дунайскую)³. В то время как Северная зона находилась под пристальным вниманием, Южная была отодвинута на периферийный план, что до 1934 г. способствовало затягиванию процесса установления прямых дипломатических отношений с большинством балкано-дунайских государств. Во-вторых, послеоктябрьская Россия была не удовлетворена как собственными западными границами, так и региональным разграничением, зафиксированным Версальскими мирными договорами. Например, в августе 1924 г. на Лондонской экономической конференции представитель СССР открыто потребовал уважать советские интересы и права в Восточной Галиции, Северной Буковине, Бессарабии, Мемеле и на Аландских островах. Более того, зачитанная в Лондоне декларация включала далекоидущую программу реформирования Балкано-Дунайского региона, на реализацию которой СССР якобы был готов оказать влияние. Москва выступила за федерализацию Югославии, наделение Болгарии Добруджей и выходом к Эгейскому морю, а также за осуществление принципа национального самоопределения в спорах Венгрии с Чехословакией и Румынией⁴. В-третьих, призыв большевиков к экспорту революции и требование советских республик (вдоль западной границы СССР) соблюдения прав своих «собратьев» в Польше и Румынии укрепляли инспирированные войнами 1918–1921 гг. антикоммунистические настроения правящих элит Средней Европы. В этом ключе неудивительно, что в 1931 г. британский Форин-офис рассматривал «границы между СССР и Средней Европой» как одну из шести самых опасных конфликтогенных зон в мире⁵.

Франко-советские отношения между их установлением в 1924 г. и расторжением в 1941 г. прошли тернистый путь. Несмотря на пересекающиеся страхи перед чрезмерным усилением Германии, Кремль и Елисейский дворец достаточного взаимного доверия не испытывали. Оба видели друг в друге скорее потенциальных противников: Париж с опаской воспринимал советско-германское сближение и международную деятельность Коминтерна, а Москву беспокоило покровительство Кэ д'Орсэ Польше и Румынии — своим наиболее «вероятным» противникам. Советско-французский договор о нена-

³ Кен Олег. Советская политика в двух измерениях: страны Центрально-Восточной Европы в дипломатии и военной стратегии СССР, 1925–1939 гг. // *Communisme*. 2003. No 74/75. С. 45–70.

⁴ ДВП. Т. 7. 1 января – 31 декабря 1924 г. М., 1963. С. 417–426.

⁵ Public Record Office. 24/225/1. Memorandum «Changing conditions in British Foreign Policy», John Simon, 26.11.1931. CP 301 (31). См.: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7729043>.

падении 1932 г. и вступление СССР в Лигу Наций в 1934 г. снизили взаимное недоверие, однако разработанная в конце 1933 г. в Париже грандиозная схема новой европейской безопасности, опиравшаяся на взаимопомощь Франции и ее союзников в Средней Европе и СССР, заинтересовала Москву только отчасти. В итоге «гора родила мышь»: амбициозный проект Восточного Локарно был сведен к заключению Советским Союзом в 1935 г. договора с одной Чехословакией. Провал концепции франко-советских клещей против Германии в Средней Европе стал очевидным на фоне заключения 30 сентября 1938 г. Мюнхенского и 23 августа 1939 г. Московского соглашений.

Проект таможенной унии Австрии и Германии — импульс к пересмотру французской стратегии в Средней Европе (март–сентябрь 1931 г.)? Один из опорных элементов средневропейской доктрины Франции сводился к недопущению объединения Австрии и Германии. Париж старался охладить пангерманские настроения в Вене финансовыми дотациями и поддержкой аморфного лагеря легитимистов, чья программа включала не только сохранение независимости Австрии, но и восстановление монархии Габсбургов⁶. В начале 1930-х гг. легитимисты стали крупнейшей франкофильской группой и в Венгрии⁷. Предполагалось, что реставрация Габсбургов и воссоединение Австрии и Венгрии могут окончательно снять угрозу аншлюса, однако в заигрывании с монархическими идеями Кэ д'Орсэ был вынужден постоянно оглядываться на реакцию Чехословакии и Югославии, которые придерживались установки «скорее аншлюс, чем Габсбург»⁸.

Неожиданный договор 21 марта 1931 г. о создании таможенной унии Австрии и Германии всколыхнул Европу. Париж однозначно трактовал эту инициативу как первый шаг к аншлюсу и созданию *Mittleuropa*, однако реакция французских союзников не была столь однозначной. Для Белграда и Бухареста перспектива расширения экономического влияния Германии представляла некоторые выгоды. Варшава, заняв критичную позицию, в случае признания Берлином окончательного характера польско-германской грани-

⁶ *Holmes Blair R.* The Austrian Monarchists, 1918–1938: Legitimism versus Nazism // *Conquering the Past: Austrian Nazism Yesterday and Today* / Ed. F. Parkinson. Wayne, 1989. P. 91–92.

⁷ См.: *Becsi Zoltan.* Les légitimistes hongrois et la question de l'Europe centrale, 1929–1938 // *European Review of History*. Vol. 11. No 3. 2004; *Horel Catherine.* Une brève idylle dans les relations franco-hongroises au début des années trente // *Illusions de la puissance, puissance de l'illusion: Historiographies et histoire de l'Europe centrale dans les relations internationales de l'entre-deux-guerres*. Paris, 2005.

⁸ *Documents diplomatiques français, 1932–1939* (далее DDF). 1re série, 1932–1935. T. 3: 15 novembre 1932 – 17 mars 1933; 17 mars – 15 juillet 1933. Paris, 1967. P. 317–318.

цы могла изменить свою точку зрения. Тем не менее французские контрмеры к маю 1931 г. смогли кулуарно «похоронить» проект таможенной унии. Вдобавок в сентябре 1931 г. Международный суд в Гааге объявил нелегальным объединение таможенного пространства Германии и Австрии. Из шумихи вокруг таможенной унии в Елисейском дворце сделали два вывода: 1) самый действенный способ предотвратить аншлюс — объединить Австрию с другими дунайскими государствами; 2) ни Малая Антанта, ни Польша не являются принципиально заинтересованными в сохранении независимости Австрии. В итоге сотрудники Кэ д'Орсэ приступили к поиску альтернативной комбинации союзов в Средней Европе и разработали план создания дунайской дамбы против Германии в виде австро-венгеро-чехословацкого треугольника, замещавшего Малую Антанту⁹. В мае 1931 г. представитель Третьей республики Андрэ Франсуа-Понсэ в европейском комитете Лиги Наций настаивал, правда безрезультатно, на возвращении силы 222-му параграфу Сен-Жерменского мира 1919 г., обеспечивавшему взаимный преференциальный торговый режим Австрии, Чехословакии и Венгрии¹⁰.

Дистанцирование Парижа от Бухареста и Белграда открывало дорогу франко-советскому и франко-итальянскому сближению. Кажется, этот подход отвечал и настроениям в Форин-офис. В мае 1931 г. его секретарь Роберт Ванситарт указывал на то, что с целью укрепления мира в Европе британская дипломатия должна поощрять франко-итальянское сближение, через посредничество Рима привлекать СССР к европейским делам, а также поставить перед Лигой Наций вопрос реставрации Габсбургов¹¹. В целом события 1931–1934 гг. данному сценарию соответствовали: франко-итальянское сотрудничество на Дунае, задействование советского фактора и активизация прогабсбургской пропаганды были использованы как способ временной консервации статус-кво в Средней Европе.

Первым кандидатом на роль нового дунайского редута в создаваемом под французской эгидой антигерманском бастионе стала Венгрия. В 1931–1932 гг. атмосфера между Парижем и Будапештом приобрела особую сердеч-

⁹ *Wandycz Piotr Stefan*. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936. P. 192–195, 222.

¹⁰ *Romportlová Marta, Sládek Zdeněk*. Integrovní středoevropský plán A. Tardieua a československá a maďarská politika // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity. C 25/26. Brno, 1978–1979. S. 73–74.

¹¹ Public Record Office. CAB 24/221/25. Memorandum «An Aspect of International Relations in 1931», Robert Vansittart, 13.05.1931. CP 125 (31). См.: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728870>. P. 19–20, 34.

ность¹². Уже 31 марта 1931 г. французский посланник Луи де Вьен передал главе МИДа Венгрии Дюле Каройи, что в борьбе против Германии Кэ д'Орсэ больше не рассчитывает на Малую Антанту и поэтому готов «укреплять» Венгрию. В свою очередь Каройи советовал Франции вернуть Габсбургов в Вену¹³. Летом 1931 г. МИД Венгрии продолжал фиксировать информацию о том, что Париж стоит за создание таможенного союза Австрии, ЧСР и Венгрии¹⁴. Кэ д'Орсэ предпринял ряд мер с целью укрепления своего влияния в Будапеште: в конце апреля 1931 г. Франция содействовала началу венгеро-чехословацких торговых переговоров¹⁵, в августе выделила Венгрии кредит в 500 млн франков¹⁶, а в сентябре заключила соглашение о скупке венгерского зерна. В результате осенью 1931 г. Каройи, заняв кресло премьер-министра, назвал Париж главным (после Рима) иностранным партнером Будапешта¹⁷.

Осенью 1931 г. политическими кругами Австрии, ЧСР и Венгрии началось закулисное обсуждение создания единого блока их стран. Инициатива переговоров исходила из Праги, которая якобы даже соглашалась отказаться от Кошиц в пользу Венгрии¹⁸. В эти полуофициальные переговоры со стороны Будапешта были вовлечены видные парламентарии-легитимисты Альберт Аппоньи, Густав Грац и Иштван Фридрих. Тогда же легитимисты, вступая в контакт с французскими дипломатами, настаивали на форсировании объединения Венгрии, Австрии и Чехословакии наподобие бывшей монархии Габсбургов, не исключая даже создания в Венгрии республики¹⁹.

Попытки Германии распространить свое экономическое влияние среди дунайских стран стимулировали Францию к ревизии своей прежде жесткой линии в отношении Советского Союза. Невзирая на идущую с октября 1930 г. франко-советскую торговую войну и советские обвинения Франции в подготовке интервенции в СССР, 20 апреля 1931 г. Кэ д'Орсэ предложил НКИДу за-

¹² *Horel Catherine*. Une brève idylle dans les relations franco-hongroises au début des années trente.

¹³ *Iratok az ellenforradalom történetéhez. K. 4: A magyar ellenforradalmi rendszer külpolitikája, 1927. 1 január – 1931. 24 augusztus / Sz. Karsai Elek*. Budapest, 1967. O. 519–520.

¹⁴ *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии: апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995. С. 168.

¹⁵ *Iratok az ellenforradalom történetéhez. K. 4.* O. 529.

¹⁶ *Juhász Gyula*. Magyarország külpolitikája, 1919–1945. Budapest, 1988. O. 125.

¹⁷ *Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. K. 5: 1928–1932 / Sz. Ádám Magda*. Budapest, 2013. O. 286.

¹⁸ *Diószegi László*. Benes terve Csehszlovákia, Ausztria és Magyarország gazdasági együttműködésére // *Magyarságkutatás: A Magyarságkutató csoport évkönyve*. Budapest, 1987.

¹⁹ *Francia diplomáciai iratok a Kárpát-medence történetéről. K. 5.* O. 265, 310–311.

ключить двусторонний договор о ненападении и торговый договор. Москва откликнулась, и в июле 1931 г. СССР и Франция сняли взаимные запреты с импорта товаров, а 10 августа парафировали договор о ненападении²⁰. Советская мотивация нормализации отношений с Францией отчасти исходила и из разделяемого в Кремле опасения перед перспективой перехода Средней Европы под германское доминирование²¹. Так, нарком обороны Ворошилов летом 1931 г. предупреждал генсека ВКП(б) Сталина, что германский генералитет видит в СССР «будущего противника»²².

В 1931 г. Москва частично скоррелировала свою позицию по вопросу интеграции Европы. Пересмотрев отрицательное отношение к проекту Аристида Бриана по созданию Паневропейской унии, Политбюро ЦК ВКП(б) 19 мая 1931 г. одобрило участие наркома по иностранным делам Литвинова в работе паневропейской комиссии при Лиге Наций²³. На июльской встрече комиссии советская делегация критиковала проекты создания преференциальных режимов в Средней Европе как дискриминационные и настаивала на привлечении СССР к обсуждению вопросов международных преференций. НКВД опасался, что введение торговых преференций может затруднить размещение советского экспорта в Австрии, Чехословакии, Германии и Италии, с которыми СССР ранее заключил торговые договоры. В августе 1931 г. Москва выступила против предоставления немецких торговых льгот Румынии, Венгрии и Болгарии и итальянских торговых льгот Австрии и Венгрии²⁴. В целом советская позиция частично отвечала французским интересам по недопущению экономической переориентации дунайских стран на Германию и Италию.

Переоценивая ситуацию в Средней Европе и роль Германии, Советский Союз в начале 1930-х гг. постепенно отошел от поддержки аншлюса и стал покровительствовать сближению Австрии с Венгрией, полагая, что участие Чехословакии в этой комбинации упрочит новый Дунайский блок. Летом 1931 г. в СССР приехал один из лидеров венгерской политической эмиграции во Франции, бывший премьер-министр Михай Каройи, пытавшийся продвинуть создание опирающейся на СССР против Германии дунайской федерации²⁵. Развернувшиеся осенью 1931 г. австро-венгеро-чехословацкие перегово-

²⁰ ДВП. Т. 14: 1 января – 31 декабря 1931 г. М., 1968. С. 123–129, 146–149, 155, 252–254, 290, 427, 432, 452–456.

²¹ Кен Олег. Советская политика в двух измерениях.

²² Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1940: Сборник документов. Т. 2: 1927–1932 гг. / Сост. Г. Н. Севостьянов. М., 2011. С. 539–541.

²³ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа: Решения «особой папки», 1923–1939 гг. / Ред.: Г. М. Адиебеков, О. В. Хлевнюк, М. М. Наринский (ред.-сост.). М., 2001. С. 248–249.

²⁴ ДВП. Т. 14. С. 346–348, 415–420, 464–466, 479.

²⁵ *Károlyi Mihály*. Hit, illúziók nélkül. Budapest, 1978. O. 306–307.

воры интересны и тем, что Венгрию на них представлял Густав Грац — давний и публичный сторонник развития связей с СССР²⁶. В марте 1932 г. австрийский посланник докладывал Вене, что видные функционеры НКИДа начали рассматривать реставрацию Габсбургов как фактор сохранения независимости Австрии²⁷. В своих мемуарах Каройи сообщает, что после формирования в Германии в 1933 г. правительства Адольфа Гитлера один из шефов коммунистической пропаганды в Европе Вилли Мунценберг предложил ему, Каройи, начать в Париже сотрудничество против нацистов с главой дома Габсбургов — эрцгерцогом Отто²⁸. В апреле 1935 г. Литвинов подтвердил венгерскому посланнику в Москве Михаю Юнгерту-Арноти, что СССР не против замены республики в Австрии на габсбургскую монархию. Более того, нарком добавил, что присоединение Чехословакии к союзу Австрии и Венгрии заметно сократит угрозу аншлюса²⁹. В июне 1935 г. посол США в Москве Уильям Буллит рекомендовал американским журналистам обратить внимание на советскую поддержку реставрации Габсбургов в Австрии³⁰. Двумя годами позже, в марте 1937 г., Литвинов вновь напомнил Юнгерту-Арноти, что комбинация Вена – Будапешт – Прага не встречает возражений со стороны Москвы³¹. Советский интерес к идеям легитимистов и трехчленной дунайской кооперации, как кажется, публично не проявлялся.

Осенью 1931 г., после провала проекта германо-австрийской унии, Париж вернулся к своей прежней линии в Средней Европе. Вновь начали проявляться проблемы во французской политике по отношению к СССР: 23 сентября Елисейский дворец сообщил, что советско-французскому пакту о ненападении должен сопутствовать договор о ненападении между СССР и Польшей, а 25 сентября Москва неожиданно отказалась от участия в осенней сессии паневропейской комиссии. Начавшиеся советско-польские переговоры застопорились на малоприемлемом для Москвы требовании Варшавы к Союзу ССР заключить ряд договоров о ненападении с европейскими лимитрофами³².

²⁶ См., например: *Seres Attila. A bolsevizmus esküdt ellensége, a Szovjetunió nagy barátja: Szovjet dokumentumok Gratz Gusztáv pályaképéhez, 1924–1925 // Történelmi Szemle. 2002/3–4. O. 369–399.*

²⁷ *Low Alfred D. The Soviet Union, the Austrian Communist Party, and the Anschluss Question, 1918–1938 // Slavic Review. 7/39. 1980. 1–26. P. 9.*

²⁸ *Károlyi Mihály. Hit, illúziók nélkül. O. 340 ff.*

²⁹ *Jungerth-Arnóthy Mihály. Moszkvai napló. Budapest. 1989. O. 118–119.*

³⁰ Советско-американские отношения. Т. 2: 1934–1939 / Сост. Г.Н. Севостьянов. М., 2003. Док. 199.

³¹ *Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии: Февраль 1934 г. – апрель 1939 г. М., 2003. С. 83–86.*

³² ДВП. Т. 14. С. 535–537, 647–650; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 261.

В целом активы франко-советской «весны» 1931 г. можно зачислить в пользу Кэ д'Орсэ. По наблюдению советского полпреда в Берлине Льва Хинчука, в течение 1931 г. МИД Германии (так называемый Аусамт) придавал большое значение советскому противостоянию германскому экономическому проникновению на Балканы. При этом немецкая пресса видела подоплеку взаимного кокетничанья Парижа и Москвы в поисках большевиками кредитов во Франции и попытках Кэ д'Орсэ изолировать Германию. В итоге, заключила пресса, французское влияние победило в Венгрии и Австрии³³.

Неудачей закончились и переговоры по созданию треугольника Вена – Будапешт – Прага. В конце 1931 г. министр иностранных дел Чехословакии Эдвард Бенеш отказался от реализации этого проекта. Возвращавшемуся из Парижа Грацу 13 декабря 1931 г. он передал, что не пойдет на сотрудничество с Австрией и Венгрией в ущерб политико-экономическому единству Малой Антанты³⁴. Сторонникам профранцузской ориентации пришлось адаптироваться к этому решению. В феврале 1932 г. венгерские «паневропейцы» (под руководством юрконсультанта французской миссии в Будапеште Пала Ауэра) выдвинули на обсуждение проект австро-венгеро-чехословацкой экономической унии с перспективой присоединения к ней Румынии и Югославии³⁵. Таким образом, к началу 1932 г. усилия по сближению дунайских стран были перенаправлены на разработку проекта широкого пятичленного дунайского союза. Вскоре эта инициатива получила поддержку Елисейского дворца.

Дунайский план А. Тардье и советско-французское отдаление (январь–май 1932 г.). Возможность подписания советско-французского пакта о ненападении не стала более реальной после того, как 25 января 1932 г. Польша парафировала с СССР договор о ненападении. В начале 1932 г. глава правительства Франции и одновременно шеф Кэ д'Орсэ Пьер Лаваль, а также сменивший его на обоих постах Андрэ Тардье уточнили, что достижение аналогичного соглашения между Москвой и Бухарестом стало обязательным для подписания франко-советского договора³⁶. В марте встретившись в Женеве с Литвиновым, Тардье перечислил причины охлаждения отношений с СССР: Рапалльский договор и советско-германское военное сотрудничество, отказ Кремля от возмещения долгов царского правительства, а также деятельность Коминтерна и Французской коммунистической партии во Франции. После

³³ ДВП. Т. 14. С. 749–754.

³⁴ Edvard Beneš. Cirkulární telegramy, 1920–1935 / Přípr. Jindřich Dejmek. Praha, 2002. S. 180–181.

³⁵ Horel Catherine. Cette Europe qu'on dit centrale: Des Habsbourg à l'intégration européenne, 1815–2004. Paris, 2009. P. 362.

³⁶ ДВП. Т. 15: 1 января – 31 декабря 1932 г. М., 1969. С. 55–57, 69.

этой встречи Литвинов пребывал под впечатлением, что улучшение отношений с СССР не входило в ближайшие планы Елисейского дворца³⁷.

Возобновление Парижем политики опеки над Румынией и проблематизация сотрудничества с Москвой совпали с началом нового французского дипломатического наступления в Средней Европе. Несмотря на то, что функционеры Кэ д'Орсэ больше склонялись к поощрению экономического сближения Австрии, Венгрии и ЧСР³⁸, Тардьё поддержал проект более широкого объединения на Дунае, включая членов Малой Антанты, Австрию и Венгрию³⁹. 2 марта 1932 г. Тардьё ознакомил представителей Италии и Великобритании со своим планом установления взаимных преференциальных торговых режимов между государствами-наследниками габсбургской монархии. Позже в дискуссии была включена и Германия. Италия, правда безрезультатно, предложила привлечь к обсуждению этого вопроса СССР⁴⁰. Прошедшая в Лондоне 6–8 апреля 1932 г. конференция представителей четырех великих держав констатировала расхождение их мнений: французы и англичане поддержали интеграцию пяти стран, немцы выступили против, а итальянцы заняли сдержанную позицию. План экономической санации на Дунае повис в воздухе и после отставки Тардьё в мае 1932 г. был убран в стол.

Кремль, очевидно, к затее Тардьё симпатий не питал. Полпред в Вене Константин Юренев, комментируя этот проект, писал, что он был невыгоден Советскому Союзу ни экономически, ни политически. «Политически нам опасна всякая, хотя бы частичная стабилизация капиталистических государств, особенно если она совершится под руководством Франции», — указывал полпред. Суть французского проекта, по Юреневу, сводилась к следующему: опираясь на легитимистов Австрии и Венгрии, ослабить связи Вены с Берлином и осуществить сближение дунайской «пятерки» под контролем Франции⁴¹. Советский представитель в Праге Александр Аросев оценивал план Тардьё в сходном ключе. Он считал, что создание средневропейской федерации укрепит боеспособность Румынии (и Польши) против СССР, поскольку она (и Чехословакия) не сможет выступить до тех пор, пока ей не будет обеспечен

³⁷ Carley Michael Jabara. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // *Diplomacy and Statecraft*. 17. 2006. P. 314–315; ДВП. Т. 15. С. 213–214.

³⁸ Nardelli-Malgrand Anne-Sophie. *La rivalité franco-italienne en Europe balkanique et danubienne, de la Conférence de la Paix (1919) au Pacte à Quatre (1933): Intérêts nationaux et représentations du système européen: Thèse*. Paris, 2011. P. 690–692. См.: http://www.e-sorbonne.fr/sites/www.e-sorbonne.fr/files/theses/Nardelli_Malgrand_Anne-Sophie_2011_these.pdf.

³⁹ Wandycz Piotr Stefan. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936*. P. 224–225.

⁴⁰ ДВП. Т. 15. С. 227–228.

⁴¹ Там же. С. 194–199, 728–729.

тыл с Венгрией. Сглаживание споров на Дунае привело бы к укреплению Малой Антанты на случай ее конфликта с СССР⁴². Поверенный в делах Франции в Москве Жан Паяр также пришел к выводу о резко отрицательном отношении СССР к проекту Тардье. Большевики видели в нем якобы «решающий шаг по созданию антисоветского блока» с вытекающими политическими и экономическими последствиями⁴³.

Отсутствие приглашения СССР на переговоры по дунайской интеграции не могло не оставить осадка у большевиков. По наблюдениям британских военных, осенью 1932 г. Советский Союз поставил свои дипломатические гири на сторону итало-германского блока, направленного против Франции и ее союзников⁴⁴. Действительно, накануне сентябрьской 1932 г. конференции в Стрезе, на которой могли всплыть элементы плана Тардье, советские органы попросили представителей Италии и Германии защищать интересы СССР от возможных нападков Польши и Малой Антанты. 1 октября 1932 г., взяв слово на заседании паневропейской комиссии, Литвинов осудил как исключение СССР из обсуждения средне- и восточноевропейских дел, так и принятие дунайскими государствами преференций в ущерб СССР⁴⁵.

В целом начиная с 1932 г. Кремль стал уделять больше внимания происходящему в дунайском бассейне. Были сделаны попытки оживить контакты с Венгрией — потенциальным союзником СССР в войне с Румынией и партнером против панрегиональных амбиций Малой Антанты. Вероятно, Москву и Будапешт сближало неприятие плана Тардье. Венгерский посланник в Праге Силард Маширевич, реагируя на анонс проекта Тардье, писал в Будапешт, что стремление французов сохранить европейский мир означает «могилу для исторической Венгрии»⁴⁶. Реанимация советско-венгерских отношений началась еще в январе 1932 г. с торговых переговоров в Берлине. Весной Венгрия приняла советскую торговую делегацию и параллельно при своей миссии в Берлине создала агентство для облегчения экспорта в СССР⁴⁷.

⁴² Кен Олег. Чехословакия в политике Москвы, 1932–1936 гг. // Россия XXI. Вып. 7/8. 1996. С. 56–57.

⁴³ *Marès Antoine*. Edvard Beneš: Un drame entre Hitler et Staline. Paris, 2015. P. 205.

⁴⁴ Public Record Office. CAB 24/234/12. Memorandum «A Military Appreciation of the Present World Situation», Hailsham, 28.10.1932. CP 362 (32). См.: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7729433>.

⁴⁵ ДВП. Т. 15. С. 497–498, 547–548.

⁴⁶ Magyar Országos Levéltár. K. 63, cs. 5, 1932-2-16. Politikai jelentés № 68/1932. «Beszélgetés Addison angol követtel a Dunamedencét illető gazdasági tervekről». Masirevich Szilárd. 1932.03.31. O. 5–8.

⁴⁷ *Seres Attila*. A magyar-szovjet diplomáciai és kereskedelmi kapcsolatok főbb problémái, 1922–1935: [Doktori disszertáció]. Budapest, 2006. O. 111–112.

Разогретый интерес Кремля к Средней Европе подтверждает создание весной 1932 г. по инициативе Политбюро ЦК ВКП(б) новой секретной структуры — Бюро международной информации. В его задачи входили сбор и обработка информации по ряду международных вопросов, а среди приоритетных направлений были обозначены три международных треугольника: германо-польско-советский, франко-центральноевропейско-советский и японо-американо-советский. По первому направлению глава Бюро Карл Радек вел в течение 1932–1934 гг. параллельную НКВДу тайную дипломатию и пытался улучшить связи Москвы с Варшавой на базе их противостояния Германии. Острый характер отношений между Москвой и Парижем в пору обсуждения плана Тардье хорошо демонстрирует формулировка задач Бюро: Политбюро интересовало отношение балкано-дунайских стран к «проблеме войны с СССР» и роль Франции⁴⁸.

Дипломатия «картеля левых» в Средней Европе и поиск компромисса с Кремлем (июнь–декабрь 1932 г.). На фоне формирования 3 июня 1932 г. кабинета «второго картеля левых» под руководством Эдуарда Эррио (форсировавшего в 1924 г. установление дипломатических отношений с СССР) и позиции германской дипломатии на переговорах о разоружении в Женеве⁴⁹ внешняя политика Третьей республики начала готовиться к новому виражу. Более того, уже во время парламентской кампании лета 1932 г. Эррио вместе со своими партнерами — социалистами и радикалами (Эдуардом Даладье и «советофилами» Анатолем Монзи и Пьером Котом) — поддерживал лозунги ревизии версальских договоренностей⁵⁰. По информации МИДа Венгрии, суммарно внешняя политика кабинета Эррио строилась на желании укрепления связей с СССР, отказе от военных договоров с Польшей, Румынией и Югославией и поддержке сближения Австрии, Венгрии и ЧСР⁵¹.

Вскоре советско-французские отношения получили новый импульс. В августе 1932 г. был заключен крупный контракт о поставках во Францию советской нефти, и Эррио заявил полпреду СССР в Париже Валериану Довгалевскому, что не хочет подчинять договор о ненападении между их странами

⁴⁸ Кен Олег. Карл Радек и Бюро международной информации ЦК ВКП(б), 1932–1934 гг. // *Cahiers du monde russe, soviétique et post-soviétique*. Vol. 44. No 1. 2003. P. 148, 154–170; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. С. 281–283.

⁴⁹ Аналитическая записка МИДа Франции от 16 апреля 1934 г., посвященная истории советско-французских отношений, трактовала возобновление летом 1932 г. переговоров между Парижем и Москвой о заключении пакта о ненападении как реакцию на неудачный ход дискуссий в Женеве по вопросу о разоружении. См.: DDF. T. 6: 13 mars – 26 juillet 1934. Paris, 1972. P. 259.

⁵⁰ Wandycz Piotr Stefan. *The Twilight of French Eastern Alliances, 1926–1936*. P. 235–236.

⁵¹ Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии: Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. С. 175.

советско-румынскому пакту. Более того, касаясь последнего, Париж одобрял упоминание о наличии территориального спора между СССР и Румынией, что начисто отвергалось в Бухаресте и дискредитировало французскую подпись под Бессарабским протоколом 1920 г. Франко-советский пакт о ненападении был подписан 29 ноября 1932 г.⁵²

Новый тур франко-советского сближения вызвал различную реакцию среди иностранных партнеров СССР: в то время как Турция его одобряла⁵³, Германия выражала свое им недовольство. Аусамт предупреждал НКВД, что переговоры СССР с Польшей и Румынией воспринимаются в Берлине как французская попытка изолирования Германии⁵⁴.

«Картель левых» также активизировала апеннинское направление французской дипломатии. В октябре 1932 г. Бенито Муссолини предложил французам политический компромисс на базе закрепления французской сферы влияния в Северной Африке и итальянской в Средней Европе⁵⁵. На публичное предложение Муссолини в Турине создать «концерт» Франции, Италии, Великобритании и Германии, Эррио ответил речью в Тулузе о необходимости сближения с Италией⁵⁶.

С целью закладывания базы франко-итальянской антанты Кэ д'Орсэ назначил в Рим нового посла Анри де Жувенеля. Париж был готов поощрять кооперацию Италии с Австрией, Венгрией (и ЧСР), с тем чтобы между ними и Малой Антантой исчезла враждебность. Более того, Париж был готов абстрагироваться от признания независимости Албании (в пользу Рима) и даже рассмотреть опцию итальянской экспансии в Малой Азии⁵⁷. «Миссия Жувенеля» положила начало широкомасштабным франко-итальянским переговорам.

Таким образом, осенью 1932 г. Париж добавил в свой средневропейский пасьянс колоду с итальянской рубашкой. Проект верхнедунайского треугольника был реабилитирован, но в перспективе передавался под протекцию Рима. Одобрив кооперацию Будапешта с Веной и Римом, французский посланник Луи де Вьен рекомендовал в декабре 1932 г. премьер-министру Венгрии Дюле Гёмбёшу идти на сближение и с Чехословакией. Он многообещающе добавлял, что примирение Венгрии с ее соседями приближает ревизию Трианонского мира 1920 г.⁵⁸

⁵² ДВП. Т. 15. С. 518, 488–490, 502–503, 513–515, 637–640.

⁵³ Там же. С. 456–459, 651–652.

⁵⁴ Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1940. Т. 2. С. 668.

⁵⁵ *Duroselle Jean-Baptiste*. Politique étrangère de la France. P. 71.

⁵⁶ *Manigand Christine*. Henry de Jouvenel. Limoges, 2000. P. 235.

⁵⁷ DDF. Т. 2: 15 novembre 1932 – 17 mars 1933. Paris, 1966. P. 609–614.

⁵⁸ Ibid. P. 138–142.

Умеренные ревизионистские симпатии Кэ д'Орсэ заставили нервничать его союзников в Средней Европе. Реагируя на советско-французский пакт о ненападении и провозглашенные в Турине намерения Муссолини, Малая Антанта решила сплотиться и реорганизовать свою структуру⁵⁹. Обеспокоенные территориальными претензиями Италии и Венгрии, лидеры Малой Антанта вставали в позу, заявляя, что «ревизия — это война»⁶⁰. 16 февраля 1933 г., невзирая на французские предостережения о возможном итальянском недовольстве, ЧСР, Румыния и Югославия подписали Организационный пакт, амбициозно преобразующий Малую Антанту в «более высокий международный орган».

Франко-советские отношения в контексте подготовки «пакта четырех» (март–октябрь 1933 г.). В начале марта 1933 г. франко-итальянские переговоры конкретизировались: Муссолини предложил признать за Венгрией, Австрией и Болгарией равноправие в вооружениях, а также осуществить ревизию границ в пользу Венгрии и Германии. Попутно Муссолини настаивал на решении проблемы безопасности на Адриатике (намекы на подчинение Албании и распад Югославии). 18 марта 1933 г. он направил Франции, Великобритании и Германии предложение сформировать вместе с Италией «директорию», которая примет на себя решение международных проблем в Европе⁶¹.

Несмотря на боязнь скомпрометировать себя перед своими средневропейскими союзниками⁶², Кэ д'Орсэ принял участие в переговорах по «пакту четырех». Члены французского правительства по-разному реагировали на ревизионистский посыл Муссолини: премьер Э. Даладье (вместе с Э. Эррио и лидерами оппозиции А. Тардые и П. Лавалем) был против, министры А. Монзи («мотор пакта четырех внутри правительства») и П. Кот были за, в то время как новый шеф дипломатии Жозеф Поль-Бонкур колебался⁶³.

Позиция Франции оказалась несколько двусмысленной. Так, Анри де Жувенель легко согласился с принципом равноправия в вооружениях для Австрии, Венгрии и Болгарии⁶⁴, а сторонники «пакта четырех» в Париже не отвергали возможности передать польский коридор Германии и Подкарпатскую Русь Венгрии. Все это настораживало Польшу и Малую Антанту. В ответ министр иностранных дел Румынии Николае Титулеску шантажировал Париж

⁵⁹ DDF. T. 2. P. 298–299; ДВП. Т. 17: 1 января – 31 декабря 1934 г. М., 1971. С. 270–274.

⁶⁰ DDF. T. 2. P. 365.

⁶¹ Ibid. T. 3. P. 15–16.

⁶² Ibid. P. 21–25.

⁶³ ДВП. Т. 16. С. 223–225; *La grande Roumanie alliée de la France: Une péripétie diplomatique des années folles, 1919–1933* / Ed. Traian Sandu. Paris, 1999. P. 256–272.

⁶⁴ DDF. T. 3. P. 297–298.

тем, что при переходе Франции на сторону ревизионистов Малая Антанта сблизится с Германией⁶⁵.

После трехмесячных консультаций выхолощенный и приведенный в соответствие с Уставом Лиги Наций «пакт четырех» 7 июня был парафирован и 15 июля 1933 г. подписан в Риме. Ревизия границ была снята с повестки дня, и основной фокус франко-итальянской кооперации сместился на недопущение аншлюса. При этом Рим предлагал укрепить независимость Австрии через ее сближение с Венгрией и Италией, в то время как Париж больше желал видеть кооперацию Австрии не только с Венгрией, но и с членами Малой Антанты. В качестве уступки Поль-Бонкур предложил подключить к этой группе Италию. 12 июля 1933 г. Муссолини и Жувенель согласовали детали франко-итальянской программы: оба государства признали, что у них не было территориальных аспираций в Европе; поддержали независимость Австрии; не одобрили создание новых блоков в Средней Европе; указали, что экономическая кооперация региона должна осуществляться на базе «абсолютного равноправия». В конце разговора Муссолини добавил, что он намеревается заключить пакт с СССР и таким образом связать две системы безопасности (итало-французскую и итало-советскую)⁶⁶.

План Муссолини вскоре начал реализовываться. С одной стороны, СССР приветствовал улучшение франко-итальянских отношений⁶⁷, а с другой — сам готовил почву для сближения с Италией. 2 сентября 1933 г. оба государства заключили договор о дружбе, ненападении и нейтралитете⁶⁸. Этот шаг повысил советский авторитет на Дунае, после чего премьер-министр Венгрии Дюла Гёмбёш передал итальянскому посланнику Асканио Колонне, что также готов развивать экономическую кооперацию с СССР⁶⁹.

И все же в НКИДе к проекту «пакта четырех» отнеслись холодно. Прежде всего, СССР был задет тем, что его не пригласили в новообразуемый «клуб» великих держав. В то же время кремлевская оценка отдельных пунктов «пакта четырех» дифференцировалась. 10 апреля 1933 г. Литвинов, встречаясь с французским послом в Москве Франсуа Дежаном, указал, что Советский Союз не мог «безучастно» отнестись к изменению границ на Южной Балтике. Наркома беспокоило, что при передаче данцигского коридора Германии Варшава в качестве компенсации утвердит свое доминирование в Литве или во

⁶⁵ La grande Roumanie alliée de la France. P. 256–272.

⁶⁶ DDF. T. 3. P. 701–705, 728–730, 885–887.

⁶⁷ Ibid. T. 4: 16 juillet – 12 novembre 1933. Paris, 1968. P. 773–774.

⁶⁸ ДВП. Т. 16. С. 494–496.

⁶⁹ A Palazzo Chigi és Magyarország: Olasz diplomáciai dokumentumok Magyarországról: A Gömbös-kormány időszakában, 1932–1936. K. 1 / Sz. Réti György. Budapest, 2003. O. 111.

всей Прибалтике. В то же время он сообщал, что изменение границ Венгрии с Малой Антантой или Италии с Югославией не затрагивает советских интересов. Литвинов также отметил, что новые обстоятельства создают платформу для сотрудничества СССР с Малой Антантой⁷⁰.

Французские дипломаты отмечали возросшую стратегическую обеспокоенность Москвы. Зажатый между «директорией четырех» в Европе и японским милитаризмом на Дальнем Востоке, СССР, по наблюдению поверенного в делах Франции Жана Пайара, вынужден был занять дипломатическую оборону на всех фронтах и перейти в лагерь «антиревизионистов». По мнению Пайара, Кремль тревожило, что «пакт четырех» повлечет за собой раздел сфер влияния в Средней Европе между Берлином и Римом с перспективой потери Советским Союзом выхода к Балтийскому морю (из-за экспансии Германии) и осложнениями советских морских коммуникаций на юге (из-за распространения влияния Италии на Балканах). Пайар предположил, что СССР будет искать сближения с Польшей и с радостью примет столкновение интересов Германии и Италии в Австрии⁷¹.

Угроза диктата «концерта четырех» сближала СССР не только с Польшей, но и с Малой Антантой. В марте 1933 г. Бенеш предложил СССР заключить пакт о ненападении и установить дипломатические отношения. Учитывая нерешенный статус Бессарабии, он в первую очередь апеллировал к необходимости нормализации отношений между Москвой, Прагой и Белградом. НКВД попытался извлечь капитал из изоляции Малой Антанты и предложил ей подписать пакт о ненападении, признав наличие территориального спора между СССР и Румынией, однако Малую Антанту это не заинтересовало. Елисейский дворец приветствовал идею пакта Малой Антанты с СССР, но предостерегал Кремль, что постановка бессарабского вопроса сорвет переговоры. 16 июня 1933 г. Кремль переформулировал свое прежнее предложение Малой Антанте, дополнив его пунктом о нормализации отношений. Это предложение Литвинов передал в Женеве Бенешу, однако тот упрямо предлагал «урегулировать» вопрос о Бессарабии. Нарком его «нелепое предложение» отклонил⁷².

В начале июля 1933 г., накануне подписания в Риме «пакта четырех», Москва пошла на непредвиденные уступки. Отказавшись от установления дипломатических отношений и упоминания «спорных вопросов», 1 июля СССР подписал в Лондоне конвенцию об определении агрессии с членами Малой Антанты и Турцией. Подобную конвенцию СССР также подписал со своими соседями (Эстонией, Латвией, Польшей, повторно Румынией, Персией и Аф-

⁷⁰ DDF. Т. 3. Р. 206–207; ДВП. Т. 16. С. 225–226.

⁷¹ DDF. Т. 3. Р. 630–636.

⁷² ДВП. Т. 16. С. 166–167, 174, 221–223, 226–228, 351–352, 355–357.

ганистаном; Финляндия присоединилась к конвенции в конце июля) и отдельно с Литвой. Три конвенции фактически приравнивались к пакту о ненападении. Признав нелегальной эвентуальную попытку СССР силой вернуть Бессарабию, Литвинов передал Титулеску, что бессарабский вопрос закрыт⁷³.

6 июля 1933 г. Литвинов встретился в Париже с Полем-Бонкуром и Даладье. Французам было предложено присоединиться к Лондонской конвенции и заключить секретный договор с СССР об обмене информацией. В свою очередь Поль-Бонкур, приветствуя сближение Малой Антанты с СССР, предложил содействие Кэ д'Орсэ в восстановлении дипломатических отношений между ними. Кремль между тем рассчитывал на помощь Франции не только в Средней Европе. В Париже Литвинов обратил внимание прессы на то, что интересы СССР не сталкиваются с интересами Франции ни в какой точке Земного шара. За закрытыми дверями советские дипломаты давали понять, что Москва обеспокоена ростом мощи Японии в Азии⁷⁴. Дальневосточный вопрос, передал 17 июля 1933 г. А. Жувенелю В. Потемкин, мог стать сердцевинной советско-французского пакта⁷⁵.

Однако Кэ д'Орсэ постепенно отклонил большинство советских предложений; присоединение к Лондонской конвенции оценивалось им позитивно⁷⁶, но не было реализовано; относительно договора об обмене информацией указывалось, что он может разозлить Великобританию, «союз с которой является базой всей французской политики»⁷⁷; антияпонская кооперация на Дальнем Востоке также не была одобрена⁷⁸. Таким образом, становилось ясно, что Третья Республика не намерена выводить сотрудничество с Советским Союзом за пределы Европы.

Французские инициативы вовлечения СССР и Италии в систему безопасности Средней Европы: Восточное Локарно и Римские протоколы (декабрь 1933 г. – март 1934 г.). После того как в октябре 1933 г. Германия покинула конференцию по разоружению в Женеве и объявила о выходе из Лиги Наций, «пакт четырех» и перспективы франко-германской нормализации потеряли актуальность. Как следствие Елисейский дворец вновь активизировал свои контакты с Кремлем. Особое усердие в восстановлении франко-российской антанты проявлял новый посол Франции в Москве Шарль Альфан, который бомбардировал свое руководство предложениями по расширению

⁷³ La grande Roumanie alliée de la France. P. 275–277.

⁷⁴ ДВП. Т. 16. С. 416–417; DDF. Т. 4. P. 425.

⁷⁵ DDF. Т. 4. P. 9–10.

⁷⁶ Ibid. Т. 3. P. 877–888.

⁷⁷ Ibid. Т. 4. P. 32–33.

⁷⁸ ДВП. Т. 16. С. 576–578, 582–583.

отношений с Советским Союзом и созданию единого проверсальского блока (из Франции, Польши, Малой Антанты, СССР и Турции)⁷⁹. 31 октября 1933 г. Поль-Бонкур, предлагая Литвинову продумать контрмеры против Германии, несколько раз упомянул о принятии обязательств по взаимопомощи. 19 ноября 1933 г. Поль-Бонкур передал Довгалеvскому, что присоединение Советского Союза к Лиге также приобрело особое значение. Практически одновременная вербализация двух этих вопросов («взаимопомощь» и «Лига») не была случайной: связанная условиями Локарнского договора о ненападении между Францией, Бельгией и Германией 1925 г. (гарантированного Великобританией и Италией), Франция могла оказать помощь оружием в борьбе против агрессии Германии только члену Лиги Наций. 29 ноября Кремль признал «дискутабельными» вопросы о взаимопомощи и Лиге Наций. В срочном порядке Кэ д'Орсэ интересовался у НКИДа как участием СССР в эвентуальных санкциях против Германии, так и антигитлеровской «боеспособностью» немецкого пролетариата⁸⁰.

В середине декабря 1933 г. Поль-Бонкур поделился с Москвой своим видением будущей франко-советской антанты, привязав Москву к кооперации в Средней Европе. С одной стороны, по мнению шефа Кэ д'Орсэ, советские условия вступления в Лигу Наций (относительно арбитража, санкций и признания Советского Союза членами Лиги) не имели принципиального значения или не были непреодолимы, с другой — Поль-Бонкур обратил внимание на то, что Польша и государства Малой Антанты не имеют обязательств, аналогичных пакту Локарно, и, соответственно, могут заключить договор о взаимопомощи с СССР даже без советского вступления в Лигу Наций⁸¹. Основа этих соображений получила одобрение Москвы. Соглашаясь продолжить обсуждение ангажирования СССР в Женеве, Политбюро ЦК ВПК(б) 19 декабря 1933 г. решило отклонить идею принятия Советским Союзом обязательств по взаимопомощи с Малой Антантой. В ответ Кремль предложил заключить пакт между СССР, Францией и Польшей, который также мог быть распространен на Бельгию, Чехословакию, Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию⁸².

28 декабря и 4 января Довгалеvский передал кремлевские пожелания руководству Кэ д'Орсэ. Полпред пояснял, что предлагаемый состав членов договора о взаимопомощи оправдывается намерением придать ему антигерманскую направленность. При этом членов Малой Антанты, прежде всего Югославию и Румынию, привлекать не следовало, чтобы не втягивать Францию и СССР в эвентуальные итало-югославский и венгеро-румынский кон-

⁷⁹ DDF. T. 4. P. 427–433; T. 5: 13 novembre 1933 – 13 mars 1934. Paris, 1970. P. 169–171.

⁸⁰ ДВП. Т. 16. С. 595–596, 682–685, 695–696.

⁸¹ DDF. T. 5. P. 271–274.

⁸² Политбюро ЦК РКП(б) – ВПК(б) и Европа. С. 305–307.

фликты. Советский проект также предполагал, что стороны будут оказывать друг другу дипломатическую, моральную и материальную помощь даже в случае агрессии вне Европы. Довгалецкий официально уточнил, что Москва руководствуется желанием изменить проводимую Францией политику нейтралитета на Дальнем Востоке. Обсуждая состав будущего пакта, Поль-Бонкур в итоге отметил, что самое существенное в этом вопросе — участие в пакте СССР, Франции, Польши и ЧСР. Участие Прибалтики он также приветствовал, но сомневался относительно Бельгии. Пункт о помощи в случае других конфликтов французский министр не одобрил⁸³. После этого обмена мнениями Москва приняла за основу проект взаимопомощи между СССР, Францией, Польшей, ЧСР и Прибалтикой⁸⁴. Вслед за этим 11 января 1934 г. Франция и СССР подписали торговое соглашение. Несмотря на многообещающее начало, эти переговоры были продолжены только весной 1934 г.

Играя на опережение с Полем-Бонкуром (протезировавшим Малую Антанту и формирование Балканской Антанты), Муссолини так попытался интегрировать советский фактор в Средней Европе, чтобы тот соответствовал задачам итальянской дипломатии. 4 декабря 1933 г., принимая в Риме Литвинова, Муссолини признал, что СССР — необходимый участник решения международных проблем. Дуче заявил, что Франция приняла итальянский подход к решению дунайских вопросов, и предложил наркомому содействие в восстановлении отношений между СССР и Венгрией. Положительно отреагировав на эту идею, Литвинов отметил, что на Балканах СССР особых интересов не преследует, но считается с интересами Турции. При этом Болгария и Югославия, не признавая СССР, рассчитывать на его дружбу не могут⁸⁵.

Сближение между СССР и Италией было облегчено схожестью впечатлений от процесса пацификации южной половины Средней Европы. Так, переговоры о пакте взаимопомощи Турции, Румынии, Югославии и Греции по защите своих балканских границ (опиравшиеся на дипломатическую поддержку Франции и финализированные договором от 9 февраля 1934 г.) Москва и Рим (а также Будапешт) оценивали негативно. Обе великие державы, как и Венгрия, были обеспокоены укреплением безопасности своих балканских лимитрофов — Румынии и Югославии⁸⁶.

Готовя мадьярское яблочко на итальянском блюде, Муссолини надеялся урезать свободу маневрирования Малой и Балканской антант. 5 декабря 1933 г. дуче передал советскому полпреду Потемкину, что сближение между Турцией и Малой Антантой задерживает нормализацию отношений между

⁸³ ДВП. Т. 16. С. 772–774; DDF. Т. 5. P. 402–407; ДВП. Т. 17. С. 773.

⁸⁴ DDF. Т. 6. P. 258–261.

⁸⁵ ДВП. Т. 16. С. 712–714; A Palazzo Chigi és Magyarország. K. 1. O. 129.

⁸⁶ ДВП. Т. 17. С. 44–46.

СССР и Венгрией. После того как в Будапеште согласились на переговоры с НКВДом, посол Италии в Москве Бернардо Аттолико объяснял Литвинову проволочки с их началом опасением перед сближением СССР со сторонниками статус-кво в Средней Европе. В ответ Литвинов отметил, что СССР не заинтересован в Балканском пакте (хотя не возражает против него), но отклонил предложение Аттолико никогда не признавать Малую Антанту политической единицей⁸⁷.

Благодаря интенсивному итальянскому посредничеству 22 января – 6 февраля 1934 г. в Риме состоялись венгеро-советские переговоры о возобновлении нормальных отношений. При этом итальянцы периодически подталкивали венгров к уступкам, объясняя, что Будапешт должен опередить Малую Антанту в признании де-юре СССР⁸⁸. В итоге 6 февраля 1934 г. в Риме произошел обмен нотами об установлении нормальных советско-венгерских отношений⁸⁹.

Новость о возобновлении советско-венгерских дипломатических отношений оказалась плохим сюрпризом для представителей государств Малой Антанты и Франции в Риме⁹⁰. Французское издание «Le Temps» констатировало, что Венгрия, помимо надежд на получение выгод от торговли с СССР, пошла на этот шаг из-за боязни быть обойденной Малой Антантой⁹¹.

Несмотря на появление Балканской Антанты, влияние Парижа в Средней Европе слабело и его основным региональным партнером прочили стать Италии и, возможно, Советскому Союзу. В отличие от Польши и государств Малой Антанты, они не скрывали неприемлемости аншлюса. С одной стороны, 17 февраля 1934 г. Италия совместно с Францией и Великобританией приняла декларацию в защиту независимости Австрии, с другой — 26 января 1934 г. Польша и Германия подписали декларацию о ненападении, которая поставила под вопрос солидность оси Париж – Варшава⁹². Реагируя на пакт Гитлера – Пилсудского, французский Генштаб даже предположил вероятность одновременного выступления Германии и Польши против Чехословакии. В этом случае было пред-

⁸⁷ ДВП. Т. 16. С. 721; Т. 17. С. 43–44.

⁸⁸ A Palazzo Chigi és Magyarország. К. 1. О. 142; ДВП. Т. 17. С. 71–74.

⁸⁹ *Колонтари Аттила*. Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году // *Славяноведение*. 2010. № 1. С. 28; ДВП. Т. 17. С. 106–109.

⁹⁰ *Kolontári Attila*. Magyar-szovjet diplomáciai, politikai kapcsolatok, 1920–1941. Budapest, 2009. О. 143; DDF. Т. 6. Р. 252–258.

⁹¹ Hongrie: Les relations avec URSS // *Le Temps*. No 26 461. 09.02.1934.

⁹² *Duroselle Jean-Baptiste*. Politique étrangère de la France. P. 101.

ложено осуществить три контратаки: французскую (через Рейнскую область) и итальянскую (через Австрию) против Германии и советскую против Польши⁹³.

Весной 1934 г. Париж пошел на дальнейшие уступки Италии в ущерб интересам Малой Антанты: новый шеф Кэ д'Орсэ Луи Барту передал Малой Антанте, что из-за опасности аншлюса Франция не противится созданию нового итало-австро-венгерского блока⁹⁴. Подписанные 17 марта 1934 г. в Риме Б. Муссолини, Э. Дольфусом и Д. Гёмбёшем протоколы, по наблюдениям Ж. Пайара, не вызвали нареканий и у Советского Союза⁹⁵. По дипломатическим каналам циркулировали слухи, что Чехословакия может присоединиться к группе итальянских протекте (Австрии и Венгрии). Политический департамент Кэ д'Орсэ констатировал, что связи Праги с другими членами Малой Антанты слабеют. Так, Бухарест мешал нормализации отношений с Москвой, а Белград усложнял отношения с Римом. Помимо этого, два балканских королевства были индифферентны к вопросу аншлюса (который беспокоил Прагу), а подписанный ими Балканский пакт маргинализировал их связи с Чехословакией⁹⁶. Несмотря на эти соображения, Кэ д'Орсэ не забывал о возможности нового задействия Малой Антанты. В мае 1934 г., когда вновь застопорился диалог между Кэ д'Орсэ и Палаццо Киджи, французский посланник в Будапеште Луи де Вьен умышленно оговорился перед своим австрийским коллегой, мол, несмотря на то, что ось Вена – Будапешт – Прага представляет собой лучшую форму организации дунайского пространства, этот треугольник остается «мечтой», в то время как Малая Антанта существует реально⁹⁷.

Ограниченные успехи Парижа в сближении Малой Антанты с Москвой на фоне советского дипломатического прорыва в Средней Европе (апрель–сентябрь 1934 г.). С перерывами Париж предпринимал шаги по интеграции Малой Антанты в свою новую модель отношений с СССР. Уже в декабре 1933 г. Поль-Бонкур проинформировал Бенеша о своем проекте пакта взаимопомощи с СССР, после чего пункт о сближении с Москвой был включен в основные задачи чехословацкой дипломатии⁹⁸. В конце января 1934 г. внутри Кэ д'Орсэ вновь задумались о своем посредничестве при заключении пактов о взаимопомощи между СССР, Польшей и Малой Антантой. После их подписания Франция могла принять на себя обязательства о совместных консультациях⁹⁹. Ма-

⁹³ DDF. T. 5. P. 737–740.

⁹⁴ Ibid. P. 845–847.

⁹⁵ Ibid. T. 6. P. 114–115.

⁹⁶ Ibid. P. 252–258.

⁹⁷ Ibid. P. 419–421.

⁹⁸ Ibid. T. 5. P. 271–274; Edvard Beneš. Cirkulární telegramy, 1920–1935. S. 209.

⁹⁹ DDF. T. 5. P. 535–542, 677–679.

лая Антанта на эти сигналы отреагировала, и в конце января – начале февраля 1934 г. ее члены приняли резолюцию об актуальности нормализации отношений с Советским Союзом и отправили в Москву ратификационные грамоты Лондонской конвенции об определении агрессии, что сделало возможным вступление конвенции в силу¹⁰⁰.

Вместе с тем в начале 1934 г. Франция, пройдя через острый внутриполитический кризис (приведший к отставке правительства Даладье), сконцентрировала свои силы на ведении нового тура переговоров с Германией по вопросу о равенстве вооружений. После отказа 17 апреля 1934 г. от этих переговоров Кэ д'Орсэ вновь решил задействовать план Восточного Локарно. Еще 30 марта 1934 г. внутри его структур был разработан новый эскиз системы безопасности в Средней Европе: в его основу планировалось заложить два труднопредставимых союза — польско-чехословацкий и польско-советский. К участию в пакте также предполагалось пригласить Германию и прибалтийские страны. Контрагенты брали на себя обязательства взаимно воздерживаться от агрессии и предоставлять помощь соседнему государству — члену пакта — при нападении на него любого другого участника пакта¹⁰¹.

Только 20 апреля 1934 г. Луи Барту, вызвав советского поверенного в Париже Марсея Розенберга, передал ему, что готов к продолжению начатых переговоров о взаимопомощи. При этом Барту загадочно добавил, что Титулеску также хотел бы заключить с СССР «пакт». Строя догадки, 25 апреля поверенный написал в НКВД, что Малая Антанта, вероятно, попытается присоединиться к обязательствам по взаимопомощи и обязать СССР «страховать» ее от Венгрии и Италии, «которые нам ничем не угрожают»¹⁰². 28 апреля генеральный секретарь МИДа Франции Алексис Леже описал Розенбергу свою идею системы безопасности, в которой договор о взаимопомощи между соседями (подписанный Германией, Польшей, Чехословакией, прибалтийскими странами и Советским Союзом) следовало дополнить франко-советской конвенцией, содержащей взаимные обязательства на случай агрессии одной из сторон Локарнского договора против Франции или Восточного пакта против СССР. Гарантии должны были действовать, в первую очередь, против Германии¹⁰³, но формула соглашения также подразумевала оказание Францией помощи Советскому Союзу в случае нападения на него Польши. Информировав Политбюро о предложении Леже, Литвинов сделал особый акцент на польской перспективе¹⁰⁴. 18 мая 1934 г. проект Леже был зафиксирован как база

¹⁰⁰ Edvard Beneš. Cirkulární telegramy, 1920–1935. S. 210–211; ДВП. Т. 17. С. 114–116.

¹⁰¹ DDF. Т. 5. Р. 133–135.

¹⁰² ДВП. Т. 17. С. 279–280, 299–301.

¹⁰³ DDF. Т. 6. Р. 376–377; ДВП. Т. 17. С. 309–311.

¹⁰⁴ Дюллен Сабин. Тактика маятника. См.: <http://polit.ru/article/2009/08/03/dullen/>.

для последующих переговоров на встрече Барту и Литвинова в Женеве. При этом нарком одобрил приглашение Германии к участию в пакте и согласился с тем, что вступление СССР (и возвращение Германии) в Лигу Наций было базовым условием пакта. Оба министра обошли молчанием вопрос присоединения Малой Антанты к Восточному пакту, но Барту отметил, что блок движется в сторону признания СССР¹⁰⁵.

В июне 1934 г. проект Восточного Локарно вновь был модифицирован. Вместо «помощи соседям» в Женеве начали обсуждать взаимопомощь всех сторон. Эти переговоры шли рука об руку с подготовкой нормализации отношений между СССР и Малой Антантой, однако оба процесса натолкнулись на преграды: Берлин, Варшава и Белград отказывались идти на сближение с Москвой. Вместе с тем 4 июня Барту передал Литвинову, что, по его мнению, Восточный пакт может быть заключен без Германии и Польши. 8 июня Барту вручил Литвинову проект Восточного пакта, который включал в себя договор о взаимопомощи (Германия, Польша, ЧСР, СССР, Прибалтика и Финляндия) и советско-французскую декларацию. В тот же день Литвинов встретился с Бенешем, который дал согласие на участие ЧСР в Восточном пакте. 8 июня Политбюро ЦК ВПК(б) одобрило установление отношений с ЧСР и Румынией. В итоге 9 июня Титулеску, Бенеш и Литвинов обменялись в Женеве нотами об установлении нормальных отношений Румынии и ЧСР с СССР¹⁰⁶.

Несмотря на явный крен советской дипломатии в Средней Европе в сторону сближения с Францией, Кремль не собирался пересматривать основы своей балкано-дунайской политики и терять благосклонность Италии и ее региональных союзников. В конце июня 1934 г. Литвинов, намереваясь заверить Муссолини в дружественности намерений советской стороны, инструктировал Потемкина относительно необходимости объяснить дуче, что Италия не может дать СССР таких же гарантий против нападения Германии и Польши, какие дала Франция. В то же время Палаццо Киджи должно было получить удовлетворение от того, что СССР отверг предложение Турции по объединению Восточного пакта и Балканской Антанты и не пошел на восстановление отношений с Югославией¹⁰⁷. 17 июня 1934 г. Литвинов заверил венгерского посланника в Москве Юнгерта-Арноти, что СССР не поддерживает политических амбиций Малой Антанты и не намерен вмешиваться в ее отношения с Венгрией. Касаясь пересмотра версальских договоренностей, нарком пояснил, что Москва, выступая против аншлюса, занимает нейтральную позицию

¹⁰⁵ ДВП. Т. 17. С. 340; DDF. Т. 6. Р. 496–502.

¹⁰⁶ ДВП. Т. 17. С. 371, 378–381; DDF. Т. 5. Р. 655–656; Политбюро ЦК РКП(б) – ВПК(б) и Европа. С. 313.

¹⁰⁷ ДВП. Т. 17. С. 410–417.

по венгерскому ревизионизму. Литвинов добавил, что пока Римские протоколы не дискриминировали СССР, он был не против этого блока¹⁰⁸.

Вскоре еще два балканских государства признали Советский Союз: 23 июля 1934 г. были установлены советско-болгарские и 17 сентября 1934 г. советско-албанские дипломатические отношения. Сближение СССР с государствами Малой Антанты продемонстрировало свой ограниченный характер в сентябре 1934 г., когда Литвинов отклонил предложение Титулеску о присоединении Румынии к Восточному пакту¹⁰⁹.

Подводя итог, можно сказать, что в первой половине 1930-х гг. французская дипломатия, стремясь укрепить выгодный для нее баланс сил в Средней Европе, попеременно жонглировала сразу несколькими региональными комбинациями. С одной стороны, Кэ д'Орсэ пытался сблизить на антигерманской платформе дунайские государства (Австрию и Венгрию) со своими союзниками из Малой Антанты (прежде всего с Чехословакией), с другой — Третья республика мотивировала Италию и СССР к занятию более активной позиции в Средней Европе, но при сохранении основ версальского статус-кво. При этом Париж, демонстрируя готовность отступить от интересов Малой Антанты, поощрял идею оси Вена – Будапешт – Прага.

В реакции СССР на среднеевропейскую политику Франции можно увидеть, что для Кремля были неприемлемы проекты создания или укрепления крупных блоков вдоль своих границ. Вместе с тем, фактически вытолкнутый на обочину дипломатической игры в Средней Европе, Советский Союз искал упрочения своей позиции в регионе и ради этого был готов пойти на кооперацию с Третьей республикой. Москва выражала готовность активизировать контакты в профранцузском русле с государствами северной части Средней Европы, что и стало основой франко-советских переговоров по Восточному пакту. В южной части региона СССР добивался установления только нормальных, но не союзнических отношений с местными государствами. Отказ от четкого ангажирования в балкано-дунайской зоне позволял Москве осуществлять политику «качелей» между Парижем и Римом и одновременно способствовал консервации одного из слабейших звеньев версальской системы. Благодаря этому подходу Советский Союз, опираясь на помощь Франции и Италии, смог в течение 1934 г. нормализовать отношения с Венгрией, Румынией, Чехословакией, Болгарией и Албанией. Венцом дипломатических усилий Кремля стало вступление СССР в 1934 г. в Лигу Наций по приглашению тридцати одного ее члена, в том числе Франции, Италии и всех государств Средней Европы¹¹⁰.

¹⁰⁸ A Palazzo Chigi és Magyarország. К. 1. О. 191–192; ДВП. Т. 17. С. 399–400.

¹⁰⁹ ДВП. Т. 17. С. 401, 405, 494, 592–593, 609.

¹¹⁰ Там же. С. 588–591.